

Майя Плисецкая: у меня нет грусти по ушедшему

презентация балет

В понедельник в «Новой опере» пройдет презентация-концерт по случаю выхода в свет нового фотоальбома «Ave Майя!», посвященного Майе Плисецкой и подготовленного благотворительным Фондом Мариса Лиепы совместно с американской компанией Val. G. Productions. На презентацию в Москву приехала героиня альбома. В эксклюзивном интервью МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ рассказала о нем ТАТЬЯНЕ КУЗНЕЦОВОЙ.

— Как возникла идея этой книги-альбома?

— Два года назад, а может, и больше, когда продюсер Валерий Головицер стал собирать мои фотографии. Он уже делал такие альбомы — о Барышникове и о Васильеве с Максимовой. Ну, альбомы как альбомы — очень тяжелые, очень большие. И я даже не думала, что это будет так серьезно. Головицер собирал по всему миру мои фотографии, о существовании которых я даже не подозревала. Потом из полутора тысяч мы отбирали триста — долго и трудно. Участвовали художники Гвидон Агаянц и Татьяна Курбатова, еще Володя Шахмейстер. В этом альбоме вся моя жизнь: и спектакли, и репетиции, и детские фото, и ка-

кие-то вещи из альбома Кардена, и мои встречи, и награды. Еще статьи Вадима Гаевского и Владимира Васильева. И в конце концов Валерий мне говорит: «Может, вы подпишете эти фотографии — что, где, когда, с кем?» И я написала все, что вспомнила. Там не безумно подробно, но и не

примитивно. И эти факсимильные подписи тоже вошли в альбом.

— Вы так доверяете своей памяти?

— Я всю жизнь дневники вела. Вот есть книга «Последние дни жизни Сталина» Роя и Жореса Медведевых, они по архивным документам ее написали. Там сказано, что перед смертью, 27 февраля, он смотрел в Большом «Лебединое озеро» со мной и Леонидом Ждановым. Я думала, такого быть не может — мы бы об этом знали, потому что, когда он приходил, все закулисье было заполнено штатскими. Из кулисы в кулису без пропуска нельзя было перейти — за лифом пачки пропуска держали. Это не смешно, это факт. И вообще на моей памяти он на балет не ходил, только на «Пламя Парижа». Вот в оперу — пожалуйста. В «Садко» я танцевала Рыбу-иглу, там такие движения вытянутыми пальцами в разные стороны, я не смела тыкать в сторону его ложи и тыкала в небо. Так по поводу «Лебединого». Я в дневник свой полезла — действительно, есть запись, мне тогда мама сказала, что это одно из пяти моих лучших «Лебединых». Значит, перед смертью Сталин приходил в театр инкогнито — без охранников.

— Кроме фотографий есть и кинопленки, на которых сохранился ваш танец. Что для вас важнее?

— С фильмами мне не везло — их закрывали один за другим. Был замечательный «Конек-

Горбунок». Уехала за границу Щербинина, которая Конька танцевала, — закрыли «Конек». У Васи Катаняна есть кусочки из фильма: Васильев, я и черное пятно — это замазанная Щербинина. Убежал Годунов — закрыли «Анну Каренину». А «Болеро» Бежара с моего вечера просто уничтожили — по специальному заказу Иванова (в тот момент директор Большого — «Ъ») и Григоровича. Вся пленка порублена, засвечена частями. Это была настоящая война.

— Я недавно видела ширатскую пленку, где вы танцуете «Последованный отых фавна» с Алексеем Ратманским. За границей вы постоянно показываете что-то новое.

— Ну, а где я дома станцую? Никто не приглашает. Ничего не предлагает. Вот в Японии год назад я танцевала в настоящем спектакле театра но, «Крылья кимоно» называется. Поразительно интересно — музыка, актеры в белых масках. Обожаю Японию. И еду их люблю, и воспитание, и театр. Недавно поставила танцы в японском мюзикле «Аида». Ну, это, конечно, не Верди, это их композитор, японский. Я сделала дуэт Амнерис и Радамеса и эпизод возвращения войск Радамеса. Они у меня были такие самураи. А танцевали девочки. Совершенно замечательно.

— Вы чаще ломались на репетициях или на спектаклях?

— С фильмами мне не везло — их закрывали один за другим. Был замечательный «Конек-

Горбунок». Уехала за границу Щербинина, которая Конька танцевала, — закрыли «Конек». У Васи Катаняна есть кусочки из фильма: Васильев, я и черное пятно — это замазанная Щербинина. Убежал Годунов — закрыли «Анну Каренину». А «Болеро» Бежара с моего вечера просто уничтожили — по специальному заказу Иванова (в тот момент директор Большого — «Ъ») и Григоровича. Вся пленка порублена, засвечена частями. Это была настоящая война.

— Я недавно видела ширатскую пленку, где вы танцуете «Последованный отых фавна» с Алексеем Ратманским. За границей вы постоянно показываете что-то новое.

— Ну, а где я дома станцую? Никто не приглашает. Ничего не предлагает. Вот в Японии год назад я танцевала в настоящем спектакле театра но, «Крылья кимоно» называется. Поразительно интересно — музыка, актеры в белых масках. Обожаю Японию. И еду их люблю, и воспитание, и театр. Недавно поставила танцы в японском мюзикле «Аида». Ну, это, конечно, не Верди, это их композитор, японский. Я сделала дуэт Амнерис и Радамеса и эпизод возвращения войск Радамеса. Они у меня были такие самураи. А танцевали девочки. Совершенно замечательно.

— Вы чаще ломались на репетициях или на спектаклях?

— С фильмами мне не везло — их закрывали один за другим. Был замечательный «Конек-

Горбунок». Уехала за границу Щербинина, которая Конька танцевала, — закрыли «Конек». У Васи Катаняна есть кусочки из фильма: Васильев, я и черное пятно — это замазанная Щербинина. Убежал Годунов — закрыли «Анну Каренину». А «Болеро» Бежара с моего вечера просто уничтожили — по специальному заказу Иванова (в тот момент директор Большого — «Ъ») и Григоровича. Вся пленка порублена, засвечена частями. Это была настоящая война.

— А классом вы сейчас занимаетесь?

— Как разорвала связки, так и перестала — сам Бог велел остановиться. Да и до этого филонила — раз-два в неделю занималась, не больше.

— Тем не менее на презентации вы будете танцевать бежаровский номер «Ave Майя!». А что станете в будущем году на собственном юбилее?

— Пока ничего не ясно. Большой театр закрывается на ремонт, и гендиректор Иксанов меня пригласил на Новую сцену. Но там же маленький зал. И сцена маловата. Есть разные предложения, но где юбилей делать и кто его будет делать, я еще не решила. (Вчера министр культуры сообщил, что основная сцена Большого театра закроется на ремонт только весной 2006 года — «Ъ».)

— При подготовке книги вам пришлось копаться в воспоминаниях. Это, наверное, грустно?

— Это жизнь есть, у меня нет грусти по ушедшему. И я не опасаюсь за будущее. Мы же ничего не можем предотвратить. Что в наших силах сделать — надо делать, а что не в наших силах — об этом не надо думать. Сейчас мы можем сделать презентацию книги, чтобы она была симпатичной и интересной.

«Коммерсантъ» — 2004 — 25 март — с. 21